

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В АРХАНГЕЛЬСКУЮ ОБЛАСТЬ

Летом 1967 г. филологический факультет Московского государственного университета продолжал экспедиционную работу в Архангельской области на Северной Двине и ее притоках. Об итогах экспедиции было рассказано на конференции, проведенной в марте 1968 г. кафедрой фольклора филологического факультета. Экспедиционную работу осуществляли три группы: первая — в Шенкурском районе (в верховьях Паденьги и по среднему течению р. Ваги в населенных пунктах Верхопаденьгского, Шеговарского и Усть-Сюмского сельсоветов); вторая — в Красноборском районе (в верховьях р. Устья в селах Новошнинского сельсовета, в Пермогорье и по течению р. Уфтюги в населенных пунктах Куликовского и Верхнеустюгского сельсоветов, а также в Белослудском сельсовете) и частично в Великоустюгском районе Вологодской области (Лодейский сельсовет); третья — в Верхнеожемском районе Архангельской области (Кондратьевский, Бурцевский, Вознесенский, Ермолинский сельсоветы) и в Великоустюгском районе Вологодской области (Луженский сельсовет). Работой групп руководили В. П. Аникин и Н. И. Савушкина.

В первую группу входили С. Айвазян, О. Афанасьева, Е. Зелинская, М. Карпова, Ю. Круглов, Н. Невская, Л. Петрухненко, Н. Плотнокова, Н. Римская-Корсакова, Е. Рогачевская, Л. Шенна и студент Московской консерватории М. Саленко; во вторую — Е. Богданова, М. Юхневич, Г. Иенсен, П. Климовицкая, Ю. Чекрызов, З. Зарецкая, С. Еремина, В. Степаненко, Л. Коланцева, Н. Митина, А. Яшкина, О. Видсва, студентка Московской консерватории Л. Перетрутова и студентка исторического факультета МГУ В. Шицлова; в третью — В. Савинский, Н. Юдина, Е. Токарева, А. Налепиц, Т. Померанская, В. Шибаева и студентка Московской консерватории Т. Фрумкис.

В Шенкурском районе было записано более 3000 произведений, среди них балладных песен — 42, исторических (включая солдатские) — 11, сказок всех разновидностей — 62, быличек — 34, лирических песен с вариантами — 305, песен литературного происхождения — 161, частушек — около 1300, свадебных песен — 132, свадебных причетов — 174, хороводных песен — 111, календарных песен — 57, заговоров — 38, загадок — 189, разных произведений детского фольклора — 120; описаны также 20 местных свадеб. В Красноборском районе произведено более 3000 записей; в их числе 460 произведений устной прозы (259 сказок и анекдотов, 127 быличек, 41 легенда, 33 встных рассказа), около 500 песен (119 протяжных лирических, 127 игровых, плясовых и хороводных, 117 свадебных), 1186 частушек, 294 загадки, 82 словницы, 82 заговора, 60 колядок и причитаний, 43 духовных стиха, 136 произведений детского фольклора. В Верхнеожемском районе записано около 1000 текстов: 54 произведения устной прозы, 86 хороводных песен, 36 колыбельных песен, 43 свадебных песни, 76 протяжных лирических, 124 загадки, 375 частушек, 37 заговоров, 31 произведение детского фольклора и пр.

По сравнению с районами, в которых велась собирательская работа в прежние годы, в Шенкурском районе гораздо меньше песенно-эпических жанров: исторических песен, баллад, не говоря уже о былинах (не зафиксировано даже свидетельств о прежнем бытовании их). Это заставляет предполагать, что и раньше былинная традиция была здесь непрочной, по всей вероятности, узко локальной или же занесенной сюда из соседних мест в позднее время и не укоренившейся. В большинстве сказок отсутствует какое-либо книжное влияние, преобладают сказки о животных и бытовые. Широко распространены произведения несказочной прозы: былички, предания (но не легенды). Наблюдается приблизительно равное соотношение народной лирики и городской романсовой — 50 к 50%, а не 75—80% к 25—20%, как это отмечено было, например, летом 1966 г. в Верховажском районе Вологодской области. Установлена

большая распространенность хороводов. Обильны и разнообразны формы замечательного в художественном отношении детского фольклора и нередко сходные с формами из центральных районов страны. Свадебная поэзия здесь беднее, чем в Верховажском районе Вологодской области, но богаче, чем в Онежском районе Архангельской области.

Различие фольклорного репертуара отдельных районов Архангельской и соседней Вологодской областей объясняется как конкретными историческими условиями, в которых он бытует (степень заселенности, близость больших населенных пунктов и пр.), так и разными культурными влияниями здесь в прошлом. В частности Шенкурский район испытывал сильное влияние центральных губерний России, а Онежский район был связан с Петрозаводским краем, с северными русскими губерниями — Новгородской и Петербургской.

Сравнение записей в населенных пунктах Усть-Сюмского и Шеговарского сельсоветов показывает неоднородность фольклорного репертуара в пределах одного края. Вероятно, это можно, в частности, объяснить разной историей заселения края. Песенный эпический и лирический необрядовый репертуар Красноборского и Великоустюгского районов не отличается архаичностью. В нем почти отсутствуют исторические песни и баллады. Записано всего 5 неполных текстов песен на три сюжета: «Поле чистое турецкое», «В Таганроге случилась беда» и литературная песня «Дело было под Полтавой». Среди 28 записей баллад преобладают сюжеты поздние: «Муж жену губил» (с зачином «Не огонь горит, не смола кипит, а муж жену губит»), «На берегу сидит девица» и др. Былинная традиция в обследованной местности не выявлена. Про богатырей знают из книг. Неоднократно встречалась в схематическом пересказе традиционная лубочная сказка об Илье Муромце (д. Константиново Великоустюгского сельсовета). Для местного свадебного обряда и сейчас характерен устойчивый цикл величаний-припевов: «Как у чарочки серебряной» (припевают гостям), «Чашечки литы, литы, литы» и «Не по столику рюмочки бренчат» (припевают молодым). Повсеместно был распространен обычай колядования. Сейчас он тоже встречается в отдельных селах, но совершается только детьми. В наших записях представлены и классические полные тексты «Виноградия» («Уж ходили мы ребята по святым вечерам») и краткие их варианты, сосредоточивающие внимание не на величании, а на просьбе одарить:

Наша коляда
не велика, не мала.
Во двери не входит,
Окошком шьет.
Дяденька, пирожка да шанежку,
Наверх денежку.

Большой интерес представляют записанные в большом количестве частушки разных видов, иногда с яркими приметами их местного происхождения:

На крылечике стояла,
Диву дивовалася:
Лесовать милый пошел,
Походкой любовалася.
Во слезах ему сказала:
«Вся истосковалася»
(Красноборский район)

Мне не дорог Устюг-город,
Только дорого сходить.
Мне не дорого подролиться
А дорого отбить.
(Великоустюгский район)

Наибольшую ценность представляют записи устной прозы. Участники экспедиции работали с 57 рассказчиками. Манера исполнения и обстановка рассказывания описывались и фиксировались на фотоленке. В результате удалось выявить общность исполнительских приемов и их своеобразие в зависимости от творческих устремлений сказочника, аудитории и репертуара. О богатстве и относительной сохранности местного сказочного репертуара свидетельствуют сопутствующие сказкам присказки: «Уточка-горожаночка», «Машка-Машенька» и другие. В материалах из Верхнетоемского района особый интерес представляют драматизированные жанры фольклора, хороводные песни, сказки, записанные и снятые в момент исполнения.

Участники экспедиции выступили с сообщениями и докладами. О. Афанасьева в докладе «Бытование свадебных песен в Шенкурском районе» сопоставила новые записи с публикациями в сборнике песен П. В. Киреевского¹. Сравнение обнаруживает утрату новейшими текстами значительной части повествования. Например, в песне «Не от ветру, не от вихоря», записанной в Верхлопаденьгском сельсовете,

¹ «Песни, собранные П. В. Киреевским», нов. серия, вып. I. М., 1911, № 54 и др.

утратились часть о наехавших боярах и композиционно песня стала иной. Такие изменения вообще типичны для песен. С появлением новых форм быта свадебный обряд трансформируется, отдельные акты свадебной игры сливаются. Песня «Вскор-мил, вспойл баюшка» стилистически соединила причет с лирической песней. «По нашим наблюдениям,— сказала О. Афанасьева — в Шеговарском сельсовете собственно лирическая песня не получила распространения, и свадебная лирика частично как бы выполняет ее функции». Особое внимание О. Афанасьева уделила зачину песни «Сырой грязью река пошла». В нем говорится, что река «подо все города подошла»: «Под Москву да под Вологду», «Да под славный Шенкурск-град». Упоминание Москвы, по мнению докладчицы, дает основание предполагать, что культура Московских земель оказала влияние на поэтическую культуру южных районов Архангельской области.

М. Карпова подвергла анализу свадебные причеты в Шенкурском районе, сравнила их с причетами, опубликованными П. В. Шейном в «Великоруссе». Как удалось установить по рассказам исполнителей, традиционный свадебный обряд бывал здесь еще в 1920—1922 гг. Женщины среднего возраста много слышали о свадьбах, но сами не исполняли причетов. Причеты записывались от женщин 70—80 лет; они охотно рассказывали как прежде «ухали» и «рвели», но сами сначала просто диктовали и, только войдя в роль, начинали причитать по-настоящему, со слезами. М. Карпова охарактеризовала особенности обряда отдельных местностей и насчитала 15 «сюжетов» в причитаниях. С поэтической точки зрения интересна встречающаяся в шенкурских причетах характеристика чужой стороны: «Чужая да чужаннина»; «Ходит она не одета, не обута»; «Есть сибирка-то рваная, Сапоги-то берестяные, Кулаки-то немтыге, Рукава-то необитые»; распространены эпитеты, яркие сравнения: «Не громы-то грянули, по рукам-то ударили», повторы с уточняющей характеристикой: «У ворот стоит пьница. А у дверей-то пропоица, У приступчиков — пивушище».

С сообщением о шенкурских загадках выступила Е. Рогачевская. Она сопоставила записи, сделанные экспедициями прежних лет, с новыми записями. Почти все из записанных в 1967 г. загадок имеются в сборнике Д. Н. Садовникова², причем большинство текстов совпадает. Это позволяет говорить о хорошей сохранности загадок в Шенкурском районе. Распространенные здесь загадки ближе всего к северным вариантам, записанным в XIX в. в Новгородской, Вологодской, Псковской, Олонецкой, Архангельской губерниях, но есть и такие, которые повторяют варианты, встреченные в Казани, Симбирске, близ Москвы. Е. Рогачевская отметила, что все загадки были записаны от взрослых, поэтому их нельзя рассматривать как детский жанр.

Сообщение Н. Римской-Корсаковой было посвящено бытованию лирической песни в Шенкурском районе. Особое внимание она уделила определению места авторской литературной песни в репертуаре исполнителей, ее отношению к другим жанрам песенного фольклора, в частности к городскому мещанскому романсу. В трех обследованных сельсоветах Шенкурского района выявлены репертуарные различия: в Верхопаденьском преобладает свадебная лирика, далее следуют по степени убывания хороводные и плясовые песни, собственно лирическая песня, мещанский романс; в Шеговарском — основное место занимают хороводные и плясовые песни, затем идут свадебная лирика, собственно лирическая песня и мещанский романс; в Усть-Сюмском — то же соотношение, что и в Шеговарском сельсовете, но больше мещанских романсов, чем собственно лирических песен.

С. Айвазян рассказала о соотношении традиции и импровизации в сказках Шенкурского района. Это соотношение зависит от типа сказочника (рассказчик, вносящий в сказку творческие моменты, или простой пересказчик), от характера сказок (детские и взрослые) и их жанровой разновидности, а также от того, кто сказочник — мужчина или женщина.

Доклады и сообщения участников экспедиции, работавшей в Красноборском районе, были посвящены жанрам народной прозы. Ю. Чекрыжов в докладе о принципах записи устной прозы и ее бытовании в местах работы группы. Группой сделано более 270 записей разных жанров прозы (сказок, быличек, устных рассказов и т. д.). Записи производились в обстановке живого бытования. Практиковалась повторная запись сюжетов произведений от разных поколений в семье или от одного и того же исполнителя в разное время и в разной аудитории. Собранный материал дает возможность говорить о художественном своеобразии разных прозаических жанров и местных сказочных вариантов, о традиции и импровизации в исполнительском мастерстве сказочников.

Характеризуя бытование сказки в Красноборском районе (особенно в верховьях р. Уфтыги), Ю. Чекрыжов отмечает, что подавляющее большинство исполнителей — женщины среднего возраста. В их репертуаре преобладают сказки для детей: «Ивашка и яга» (48 текстов), «Волшебная дудочка» (15 текстов), «Лиса на возу» (13 текстов),

² Д. Н. Садовников, Загадки русского народа, СПб., 1876, № 4а, 267, 3866, 430, 830, 1202е, 1396а, 1509в, 1552, 1921 и др.

«Морозко» (10 текстов). Многие сказки имеют книжный источник. По наблюдениям собирателя, сказка перестала заполнять досуг взрослых.

Е. Богданова рассказала о быличках из Красноборского и Великоустюгского районов, охарактеризовала обстановку, в которой производились записи. Она обратила особое внимание на отношение к быличкам рассказчиков, которое определяет особенности поэтической структуры текстов. Одни исполнители рассказывали былички как случаи, действительно происшедшие с ними или их знакомыми, другие относили действие к прошлому времени («раньше больше баловало»). Е. Богданова подчеркнула, что большинство рассказчиков скептически относятся к суевериям и склонно реалистически толковать былички.

Круг персонажей быличек и количество ситуаций, связанных с каждым из них, очень невелики. Это свидетельствует о том, что с исчезновением веры быличка постепенно разрушается. Наиболее живой персонаж — леший (фигурирует более чем в 20 текстах). Связанные с лешим ситуации, приемы описания его повторяются, но в каждом тексте приводятся свои подробности (леший появляется в образе знакомого человека — потерявшегося мальчика, брата, соседки и т. д.). Из духов природы в быличках встречаются водяной, русалка («озерная Дуня») и полудница. К рассказам о духах примыкают рассказы о проклятых людях и животных, о колдунах. Интересна группа быличек о домовом (батманушке, батамушке, соседушке), который гоняет лошадей, пугает детей, давит спящих. С образом баенника («хозяйина бани») связаны различные запреты — не мыться вечером, не задерживаться и не ночевать в бане и т. д.

Е. Богданова отметила, что собранные материалы все же неполны, и поставила ряд вопросов, которые надо иметь в виду при записи быличек.

М. Юхневич охарактеризовала волшебные сказки в репертуаре сказочника А. Л. Антропова, 84 лет, жителя д. Новошино. От него записано 4 сказки, в которых присутствуют типичные мотивы и ситуации — змебегство, «ложный герой», «узнавание» и «утверждение» истинного героя, «чудесные помощники» и т. д. В то же время А. Л. Антропов пытается реально объяснить фантастические моменты. Так, реальные обоснования получает мотив чудесной помощи животного (герой долго тренирует кошку, которая затем выполняет обычные функции чудесного помощника). У сказочника есть свои «общие места», заменившие традиционные. М. Юхневич отметила особое внимание сказочника к моральной проблематике сказок, к идее равенства людей всех сословий, права свободного выбора в любви. В целом сказки Антропова содержат черты и волшебной, и авантюрной сказки. Очевидно, что это последний этап устной жизни волшебной сказки, предназначенной для взрослых.

Участники экспедиции, работавшие в Верхнегосемском районе, рассказали о бытовании и драматическом исполнении произведений фольклора.

Н. Юдина сделала доклад о драматизированном исполнении некоторых жанров фольклора. Ей удалось наблюдать исполнение сказки «Ворожея» опытным рассказчиком С. Г. Красавцевым и одной из его слушательниц Н. А. Сосновской и сравнить оба исполнения. Н. А. Сосновская старалась воспроизвести не только текст, но и манеру исполнения сказки, повторяла некоторые формулы и сопровождающие их жесты, однако такого богатства оттенков и такого контакта с аудиторией, как у С. Г. Красавцева, у нее не было. Н. Юдина рассказала также о наблюдениях над исполнением бытовой сказки для взрослых. У каждого исполнителя есть своя манера и излюбленные приемы. Так, для С. Г. Красавцева характерен жест, изображающий действие, он часто обращается к слушателям с вопросами, репликами; А. Н. Коврина обычно рассказывает сказки от первого лица, полностью перевоплощаясь в сказочный персонаж; Е. Я. Мелентьева в качестве основного приема использует интонацию, что характеризует ее как детскую сказочницу. В Верхнегосемском районе повсеместно бытует обычай ряжения, но теперь оно не носит массового характера. Импровизированные диалоги ряженных и их игра с трудом поддаются воспроизведению в неурочное время, однако все же удалось записать и тексты небольших сценок, и подробные рассказы о костюмах, гриме, реквизите. Так, Е. А. Гляденова (с. Пучуга) продемонстрировала весь процесс ряжения «кобылкой» — от «загибания кобылки» (из соломы) до разыгрываемой сценки; этому ее научил дед.

Е. Токарева посвятила свой доклад хороводным песням, которые в песенном репертуаре Верхнегосемского района занимают значительное место (записано 86 текстов). Особенно распространены песни: «В хороводе были мы», «Заскочил козел в огород», «Зайныка, погулай», «Вдоль было по травонке». Большинство записей сделано от групп исполнителей, демонстрировавших и хороводы. Оказалось возможным классифицировать хороводные песни по способу их исполнения и показать особенности и трансформацию этого исполнения. В Верхнегосемском районе известен круговой хоровод с солистами, например «Ходил, гулял барин» (девушка с парнем выбирают себе родню). В ряде случаев (д. Красногорская, Малая и Большая Забудиха) хороводный круг деформировался. Очень распространен на территории района хоровод «походенцы» (под песни «Было в ручке счастье», «Во лужях», «Не катайте катанцы», «Из Москвы купец приехал» и некоторые другие). Одна и та же песня в разных деревнях исполняется по-разному.

Встречено и исполнение хороводной песни, сопровождающееся ряжением быком или конем, в соответствии с содержанием песни (с. Кондратовское). Особенностью

бытования хороводов в Верхнетоемском районе является их четкая приуроченность к определенным календарным праздникам. Так, строго выделяется круг «рождественских» хороводов: «По-за морюшку гоголюшка плывет», «Калинов мост мостили», «Вьюн на воде», которые не исполнялись весной и летом. Собранные материалы свидетельствуют о том, что, хотя богатая хороводная культура этих мест и ушла в прошлое, хороводы еще хорошо помнят и могут воспроизводить их во всей полноте.

Записи экспедиции дают материал для изучения фольклора бассейна Северной Двины и его сопоставления с фольклором бассейна р. Онеги, уже обследованным экспедициями МГУ.

Много внимания уделялось совершенствованию методов записи: последнюю стремились производить в обстановке, близкой той, в которой обычно исполнялись произведения тех или иных жанров, широко применялись магнитофоны, фото- и киносъемка.

Экспедиция обратила внимание на сложные процессы, происходящие в современном бытовании как арханческих, так и живых жанров фольклора.

В. П. Аникин, Н. И. Савушкина

СОЦИОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

17—18 декабря 1968 г. в Новосибирском научном центре Сибирского отделения АН СССР состоялось заседание Научно-методического совета по организации социолого-лингвистических исследований. Подобные исследования впервые в отечественной и мировой научной практике были начаты в 1965 г. Институтом истории, филологии, философии СО АН СССР совместно с Центральным статистическим управлением при Совете Министров РСФСР.

На первом этапе были разработаны общая схема и методика социолого-лингвистических исследований, цель которых состояла в комплексном изучении проблемы взаимодействия языков народов СССР на материалах Сибири и Дальнего Востока. Данная проблема, как часть более общей проблемы закономерностей развития национальных отношений в современную эпоху, представляет большой интерес как в теоретическом, так и в прикладном отношении, учитывая многонациональный состав населения нашей страны и бурно развивающиеся процессы культурно-языкового взаимодействия.

Исследования были задуманы как комплексное мероприятие, имеющее ряд различных, хотя и связанных между собой научных задач, а именно: выявление роли родного и русского языков в жизни народов Сибири (выделение статической и динамической, на момент исследования, модели); изучение факторов, оказывающих влияние на изменение и соотношения этих языков в современной жизни народов; научно обоснованные рекомендации в области языковой политики, вытекающие из объективных данных и мнения опрошенного населения.

В 1965—1966 гг. Институт истории, филологии, философии СО АН СССР провел пробные выборочные обследования группы сибирских народов (алтайцев, бурят, кетов, ненцев, селькупов, тофаларов). Полученные результаты были доложены Научно-методическому совещанию, созданному институтом в декабре 1966 г. В совещании приняли участие организаторы социолого-лингвистических исследований (ИИФФ СО АН СССР и ЦСУ РСФСР), головные институты АН СССР (этнографии и языкознания), Академия педагогических наук РСФСР, гуманитарные институты и высшие учебные заведения Сибири и Дальнего Востока, издательства, партийно-советские органы, органы народного образования и культуры. Совещание признало актуальным постановку проблемы «Функциональное взаимодействие языков народов СССР на современном этапе» и высказало пожелание создать Научно-методический совет по организации социолого-лингвистических исследований в Сибири. Среди практических результатов на основе данных исследований было поддержано предложение Института истории, филологии, философии СО АН СССР о включении в программу предстоящей Всесоюзной переписи населения второго этапа о языках, которыми, кроме родного, пользуется население в повседневной жизни¹.

¹ Это предложение, поддержанное широкой общественностью, было включено в программу переписи 1970 г.